

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 119–135.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 4. P. 119–135.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-119-135

РЕЛИГИОЗНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ЦЕЛЬНОСТЬ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО В НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ И. В. КИРЕЕВСКОГО «ОСТРОВ»

Алина Андреевна Жукова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
aazhukova@hse.ru

Аннотация. В статье рассматривается идеал социальной жизни, который представил в своей неоконченной повести «Остров» (1838) И. В. Киреевский, и как этот идеал фактически оказывается художественной экспликацией идей, высказанных автором в ответе А. С. Хомякову (1839). Показано, каким образом Киреевский рассуждает здесь о соотношении между внутренним и внешним, ведь в повести представлен как идеал согласованности, цельности (на примере религиозной общности островитян), так и вариации отклонения от идеала (на примере жителей материковой Греции и европейцев). В лице главного героя Александра Палеолога И. В. Киреевский ставит вопрос о личной ответственности, духовной работе над собой на пути к идеалу, который развивает позднее в текстах 1840–1850-х годов.

Ключевые слова: идеал социальной жизни, религиозная общественность, цельность внутреннего и внешнего, личная ответственность, И. В. Киреевский

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Жукова А. А. Религиозная общественность и цельность внутреннего и внешнего в неоконченной повести И. В. Киреевского «Остров» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 4. С. 119–135. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-119-135.

Literature. Philosophy. Religion

RELIGIOUS COMMUNITY AND THE INTEGRITY OF THE INTERNAL AND EXTERNAL
IN THE UNFINISHED STORY “ISLAND” BY I. V. KIREEVSKY

Alina A. Zhukova

National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), Moscow, Russia,
aazhukova@hse.ru

Abstract. This article examines the ideal of social life that I. V. Kireevsky has presented in his unfinished story “The Island” (1838), and how this ideal actually turns out to be an artistic explication of the ideas expressed by the author in his response article to A. S. Khomyakov (1839). It shows how Kireevsky discusses the relationship between the internal and the external, since the story presents actually both the ideal of its coherence, integrity (the religious community of the islanders as an example), and variations of deviation from the ideal (the inhabitants of mainland Greece and Europeans as an example). In the journey of the main character Alexander Paleolog, I. V. Kireevsky also raises the question of personal responsibility, spiritual work on oneself on the path to the ideal, which he further develops in the texts of the 1840–1850s.

Keywords: ideal of social life, religious community, integrity of internal and external, personal responsibility, I. V. Kireevsky

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Zhukova, A. A. (2024) “Religious Community and the Integrity of the Internal and External in the Unfinished Story ‘Island’ by I. V. Kireevsky”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(4), pp. 00–00. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2024-7-4-00-00.

При обращении к идейному наследию русского религиозного философа славянофила Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) замечание о сложном духовном и интеллектуальном пути является уже общим местом. Свою творческую деятельность он начинал с позиций западноевропейского романтизма (философского и литературного), впрочем, он продолжает звучать в его текстах вплоть до конца 1830-х годов. Еще в раннем детстве в отцовской библиотеке Киреевский знакомится с западной (французской) литературой, а позже благодаря В. А. Жуковскому он читает и русских писателей. После окончания Московского университета выбирает своим основным поприщем литературу и литературную критику и начинает принимать активное участие в московских кружках — как в «домашнем» для него салоне Елагиных, так и в Обществе Любомудров. Интерес к русской литературе отражен уже в первой статье И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828), где он критически анализирует творчество поэта. Статьи в журнале «Европеец» (1832) А. Валицкий считает «высшей точкой западничества молодого Киреевского» [Валицкий, 2019, с. 168], причем, как он замечает, это западничество было принципиально отлично от западничества Чаадаева. Для Киреевского проблема участия России в жизни Европы не сводилась к механическому прохождению европейской жизни, подобно реформам Петра. Наоборот, он ставил вопрос о возможности органического вхождения в жизнь Европы — как во времена Екатерины II. «Европеец» был запрещен практически сразу — после выхода двух номеров. Не помогло даже заступничество Жуковского перед императором. Формально причиной закрытия становится статья И. В. Киреевского «Девятнадцатый век», где он под видом литературной критики якобы представил политическую антигосударственную пропаганду. Сразу после этого он на несколько лет уходит в публицистическое молчание. Таким образом, в отличие от своего брата Петра, который изначально стоял на позициях славянофильства, Иван к славянофильству пришел из совершенно «другого лагеря».

Иван Васильевич Киреевский

Традиционно отмечается, что именно в период между запрещением «Европейца» и статьей «В ответ А. С. Хомякову» (1839), в которой представлена уже явно славянофильская доктрина, происходит «обращение» Киреевского, пересмотр его мировоззрения. Концепция «обращения» восходит к одноименной записке А. И. Кошелева [Кошелев, 1911, с. 285–286], записанной со слов вдовы И. В. Киреевского Натальи Петровны. Из этого сомнительного с точки зрения объективности свидетельства мы узнаем, что после женитьбы в 1834 году Киреевский под влиянием жены от чтения Шеллинга переходит к наследию Святых Отцов, а также знакомится со старцами Оптиной пустыни и тем самым «укрепляется в благочестии». Другое свидетельство ставит под сомнение искренность веры философа. В «Былом и думах» А. Герцен, говоря о тяжелом моральном состоянии Киреевского в Москве после закрытия «Европейца», приводит его слова о сближении с православием, где он различает непосредственную «детскую веру народа» и собственную, опосредованную [Герцен, 1979, с. 488–489]. Это различие позволяет В. С. Соловьеву сделать вывод о том, что Киреевский не был истинно верующим. А вот А. Валицкий, пересказывая

Э. А. Дмитриев-Мамонов. Портрет Петра Васильевича Киреевского. 1840-е

эту дискуссию, отмечает, что в переходе на позиции славянофильства причина не в «обращении» Киреевского, но в потребности пересмотра историософии [Валицкий, 2019, с. 173] и, добавлю, в поиске нового основания, связующего общественность, идеи, связующей людей в единое целое.

Две главы неоконченной повести «Остров» Киреевский пишет в 1838 году, они были опубликованы впервые во втором томе «Русской Беседы» за 1858 год уже после смерти автора. Несмотря на то, что наряду с более изученной статьей «В ответ А. С. Хомякову» эта повесть тоже отражает смену мировоззрения Киреевского (но в художественной форме), предметом научного рассмотрения текст стал сравнительно недавно. В советское время религиозная философия Киреевского не изучалась вовсе из-за идеологических причин, а с художественной точки зрения «Остров» оценивался достаточно низко [Кулешов, 1976, с. 34]. К слову, у западных исследователей, например Эббота Глисона, сложилось аналогичное впечатление [Gleason, 1972, p. 176]. В конце 1990-х годов в России появляются первые попытки осмысления места повести в творчестве Киреевского, но они фактически сводятся к рассмотрению повести как соци-

А. Альбрехт. Наполеон в горящей Москве. 1841

альной утопии [Рудницкая, 1996], как «православной утопии» [Благова, 1995, с. 125], а также как размышления на тему Эдема и иных библейских мотивов [Грекова, 1996]. В более поздних статьях это неорганическое «навешивание ярлыков» продолжается: например, С. И. Скороходова рассматривает «проект идеального государства», представленный в повести [Скороходова, 2011], и соотносит остров с образом Китеж-града и представлениями Киреевского о Древней Руси [Скороходова, 2011; 2018]. Самый вдумчивый, на мой взгляд, анализ «Острова» предлагает священник Димитрий Долгушин. Он рассматривает повесть в контексте поэтики Жуковского как произведение, подводящее итоги «романтического» периода Киреевского и открывающее период славянофильский, «в нем своеобразно сочетаются романтическая и сентименталистская топка» [Долгушин, 2009, с. 17]. В то же время отмечается, что эта повесть помогает понять чувства и идеи Киреевского, его отношение к своей семье, увидеть, как это укоренено в его жизни [Gleason, 1972, p. 176], а Д. Долгушин даже предполагает, что в «Острове» много автобиографических черт и Киреевский хотел в лице главного героя Александра Палеолога представить свой

путь «сквозь все круги европейской образованности, чтобы в конце концов вернуть его к любомудрию святых отцов, сокровищнице Церкви» [Долгушин, 2009, с. 113]. Одновременно с этим в серьезных монографиях об антропологии, концепте «цельности бытия» и религиозной философии Киреевского повесть «Остров» не упоминается вовсе [Антонов 2006; Судаков 2011]. Поэтому, на мой взгляд, необходимо обратить пристальное внимание на этот текст, не навешивая ярлыков, чуждых мысли Киреевского, и рассмотреть повесть в качестве предварительного наброска к будущей историософской схеме.

В описании острова св. Георгия Киреевский, помимо описания природной красоты местности, уделяет большое внимание общественному устройству: в одной части острова стоял монастырь, монахи которого переселились туда из Греции и Палестины, а в другой — жили семьи изгнанных, бежавших от осман-фанариотов. Монастырь со временем стал «одним из первых на Востоке и по духовной замечательности людей, его составляющих, и по богатству своей библиотеки...» [Киреевский, 1911с, с. 176]. Фактически здесь представлен тот же идеал древнерусского монастыря, который сочетал в себе духовные и просветительские функции, что и в статье «В ответ А. С. Хомякову», где Киреевский назвал такие монастыри «зародышами несбывшихся университетов» [Киреевский, 1911а, с. 119], которые были в живом соприкосновении с народом. В таком же живом соприкосновении оказываются и старцы Оптиной пустыни, которые в своей деятельности сочетали духовные, наставнические и просветительские функции, возвращая тем самым традиции древнерусских религиозных общин. Так было и на острове, где «вся образованность древней и новой Греции хранилась между жителями во всей глубине своей особенности, неизвестной Западу и забытой на Востоке» [Киреевский, 1911с, с. 177]. Из текста мы понимаем, что на острове живет православная община. Однако Киреевский намеренно избегает каких-либо церковных категорий, кроме разве что любви и воскресения, но это скорее религиозные категории. Внутренняя жизнь острова представлена как идеал религиозной общественности, просвещенности. Чтобы понять этот идеал еще лучше, обратимся к цитате из статьи «В ответ А. С. Хомякову»:

Это просвещение (...) не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное, это устройство общественное, без самовластия и рабства, без благородных и подлых; эти обычаи вековые, без писаных кодексов, исходящие из церкви и крепкие согласием нравов с учением веры; эти святые монастыри, рассадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвеще-

ния; эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший.

[Киреевский, 1911a, с. 119]

Эта дихотомия внутреннего и внешнего (наружного) представлена в повести «Остров» в аллегорической и метафорической форме. Так, рассказ о внутренней жизни острова в повести перемежается с рассуждениями автора о смысле и значении событий, происходивших во внешнем мире. Это двоемие «Острова» — наследие романтического периода Киреевского, представленное в более ранних сочинениях, в частности в сказке «Опал», где сирийский царь Нурредин получает способность путешествовать между земным миром и миром мечты [Долгушин, 2009, с. 145].

В описании и рассуждении о Великой французской революции (1789) у Киреевского явно звучит вопрос о значении нашествия Наполеона для России, и возможным такое сравнение оказывается из-за обращения Киреевского к концепции Провидения и идее очищения, очистительного огня (она по своему происхождению католическая, но в данном контексте это значения не имеет).

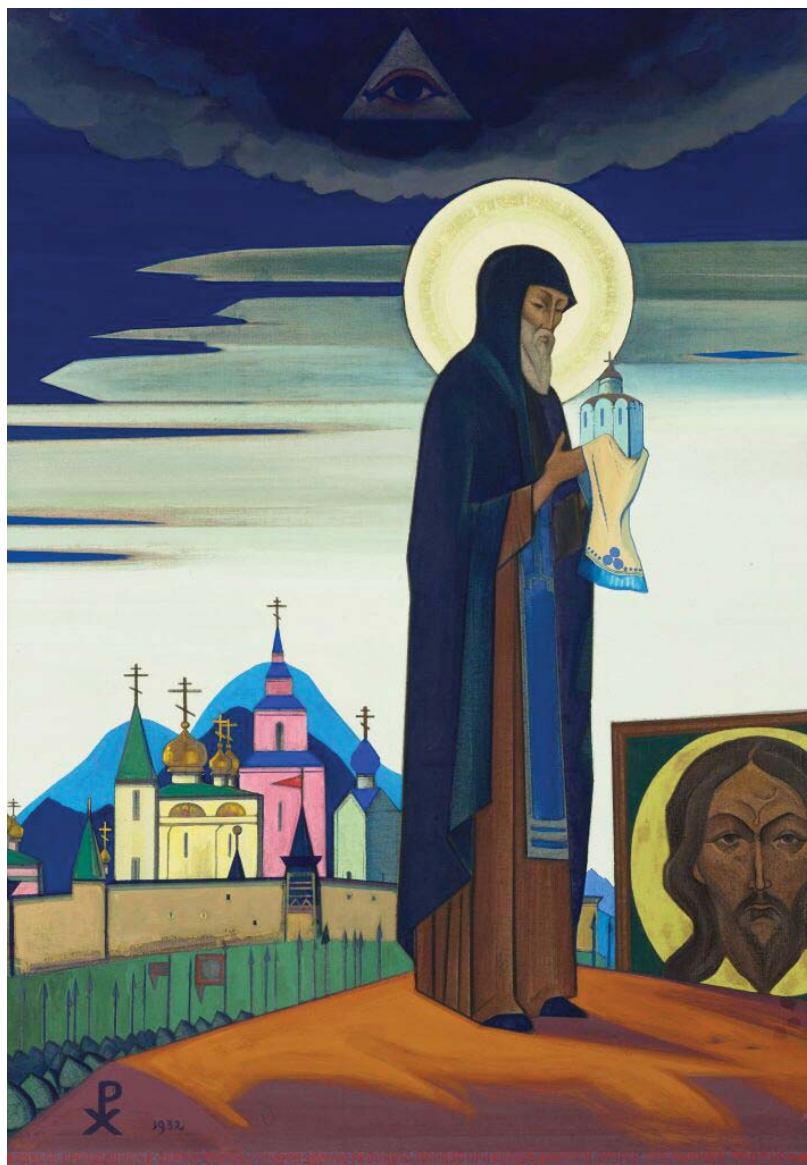
Для чего, какая польза для человечества, выйдет ли лучший порядок, родится ли лучшее устройство, лучшие законы, или «это волнение окончится одной горячей страницей в истории, одним холодным уроком для человечества?» [Киреевский, 1911с, с. 179]. Именно этот сложный, даже вечный вопрос занимает Киреевского. Анализируя мировоззренческие оценки событий войны 1812 года в русской литературе XIX века, М. А. Можарова отмечает, что обобщенный ответ на «главный вопрос грозного века» дает в 1860 году святитель Феофан Затворник Вышенский: «Зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы же у них переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок...» [Можарова, 2015, с. 51]. И в этом Феофан вполне созвучен Киреевскому. Они оба высоко определяют роль Промысла Божьего в судьбе Отечества, и у обоих, опять же, подчеркивается обратная сторона — ответственность как человека, так и народа перед Провидением. Человек и народ ответственны за то, чтобы запоминать уроки, и только от человека зависит, негативно или позитивно для истории обернется та или иная трагедия — простым наказанием, возмездием за грехи или очищением от грехов.

Импульсом к стремлению во внешний, заморский мир для Александра Палеолога становится подслушанная беседа прибывшего на остров грека с монахом-отшельником, старцем, живущим в одиночестве в пещере. В отрывках

Н. Рерих. Земля Славянская. 1943

разговора юноша слышит о бедственном положении Греции, божьей помощи и о некоем великом деле, которое должен совершить избранный человек. Однако он не понимает этого разговора, ведь в своих идеалистических грезах Александр представляет заморскую жизнь разнообразной, а потому более заманчивой, чем стабильность острова: «Что наша бедная жизнь в сравнении с их блестящей жизнью?» [Киреевский, 1911с, с. 186]. И если островитян не тревожила «наружная мишура Европейской образованности» [Киреевский, 1911с, с. 177], а слухи, доносившиеся до острова о Революции в Европе, не влияли на мирные занятия и деятельную жизнь Палеолога-старшего, то сам факт, что Александра начал занимать внешний мир, на мой взгляд, вводил его в несогласованность с островом. Он больше не принадлежал острову духовно — и потому покинул его. И если исходить из предположения Д. Долгушина о сути пути Александра, то его задача должна была быть напрямую связана с обретением цельности заново. Можно даже допустить (и это не сильное допущение), что в образе Александра Киреевский представляет Россию, которой предстоит понять суть европейской «блестящей жизни», чтобы вернуться к собственным истокам.

Н. Рерих. Святой Сергий. 1932

Оказавшись в материковой Греции, на твердой земле, Александр сталкивается с суровой реальностью: вместо народа — просветителя и хранителя православия он встречает варваров, рабов неверных, погрязших в грехах и пороках. Но в этом упадке, духовном декадансе находится и черта прежнего достоинства греческого народа — глубокая привязанность к вере. Киреевский называет ее *зерном воскресения*, поясняя, что это «верный залог неисчислимых сил, ожидающих пробуждения, сил неодолимых, только прикрытых цепями, зарытых в невежестве, забытых равнодушными, посторонними зрителями, бессмысленными клеветниками погибающего» [Киреевский, 1911с, с. 194]. Таким образом, Александр впервые (после себя самого) сталкивается с рассогласованностью внешнего и внутреннего. В будущем он увидит ее и у европейцев. Но у греков диссонанс иного порядка: вместо внешнего показного благочестия

европейцев у них есть благочестие внутреннее, но замутненное, тщательно скрытое от варваров и неверных.

Осознав этот скрытый потенциал греков, Александр вспоминает слова монаха-отшельника о великом деле избранного человека. Старец, проживающий в пещере на острове св. Георгия, сказал еще одну таинственную фразу, смысл которой становится все более ясен Александру: «В душе каждого человека есть такой же незаметный, такой же потерянный островок, снаружи камень, внутри рай! Только ищи его. Только душа часто сама не знает о нем»¹ [Киреевский, 1911с, с. 185]. Следуя этому велению, он путешествует по Греции, прислушивается и присматривается к людям и их жизни с целью «понять то основное чувство, которое каждый носит в глубине души, как общее следствие его борьбы с жизнью, как итог бытия» [Киреевский, 1911с, с. 197]. Путешествуя по островкам душ людей, он снова оказывается обманут в ожиданиях. Наконец, он добирается и до патриарха, который подтверждает все выводы Александра о своей пастве, ее нравственном искажении и зерне, предвосхищающем перемены.

В речи патриарха звучит все тот же вопрос о возможности преображения народа через очищение, но он предпочитает видеть перемену внутреннюю прежде перемены наружной, внешней. Просвещенность народа оказывается лишь видимостью, основанной на ереси и заблуждениях, «истина и ум стали врагами» [Киреевский, 1911с, с. 197]. Хранительницей истины остается православная Церковь, как греческая, так и русская. Здесь в повести впервые появляется Россия, и воскресение для жизни Греции возможно, лишь если воскреснет для жизни Россия — северная страна оказывается ближе всех к островному идеалу благочестивой религиозной общественности, живущей в согласии внутреннего и внешнего. До России хоть и доходят ереси и заблуждения неверия, но, как замечает Киреевский, «святая правда и умное просвещение начинают приходить в разногласие» [Киреевский, 1911с, с. 198], и большое значение в этом имеет Провидение. Мысли, которые высказывает патриарх (с большой вероятностью Киреевский имеет в виду тут Григория V) [Долгушин, 2009, с. 145], Киреевский будет развивать в статьях 1840–1850-х годов.

Портрету Наполеона в «Острове» Киреевский тоже уделяет внимание, и портрет французского императора настолько тщательно проработан и страшен, что Эббот Глисон даже сравнивает пассаж про Наполеона со стилем описания Достоевского [Gleason, 1972, p. 174]. Для Киреевского Бонапарт — не

¹ В РГАЛИ хранится рукопись И. В. Киреевского с заголовком «О том, что так называемый рай есть образ внутреннего человека» (Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 16). Не совсем ясно, является ли эта рукопись черновиком статьи, или же это набросок перевода.

только решение задачи Европы, но и «судьба всего просвещенного мира» [Киреевский, 1911с, с. 182], гниющая изнутри. Наполеон здесь представляется как яркий пример рассогласованности внутреннего и внешнего, их диссонанса: человек, не имеющий опоры ни в чем и ни в ком-либо, кроме себя, собственной воли и расчета. Он одинокий в сути своей, но с безграничной силой, которой покоряются страны и народы один за другим. Фактически Наполеон подчинил всю свою жизнь расчету, превратил ее в математическую выкладку, и, как замечает Киреевский, «ни любовь, ни вино, ни поэзия, ни дружеская беседа, ни сострадание, ни блеск величия, ни даже слава — ничто не развлекало его» [Киреевский, 1911с, с. 183]. Живущий обычной жизнью человек не смог бы сделать того, что совершил Наполеон. С любовью, как мне кажется, Киреевский лукавит, ведь выражение «Наполеон и Жозефина Богарне» уже стало почти нарицательным, когда речь идет о красивых историях любви.

Но даже у математической системы есть изъян — вероятность ошибки. Ошибкой Наполеона стал поход на Россию: случилось падение исполина, угнетавшего европейские народы. По повести Александр Палеолог прибывает в Вену как раз во время подготовки Венского конгресса, летом 1814 года, еще до приезда российского императора. Эту точку на карте истории, как и Великую французскую революцию, Киреевский считает судьбоносной: «Решалась судьба всего просвещенного мира, в блестящем, торжественном собрании всех властителей мира» [Киреевский, 1911с, с. 203]. Киреевский отмечает настроения и ожидания от Конгресса, которые были в то время: *«Вечный мир, совершенное согласие, повсеместная справедливость, совершенное благополучие»* [Киреевский, 1911с, с. 203]. Они поразительно созвучны идеям о лучшем устройстве мира, которые были в европейском обществе в конце XVIII века (свой трактат «К вечному миру» И. Кант пишет в 1795 году).

Воплощенный идеал единства, цельности внутреннего и внешнего (помимо жителей острова) мы видим на примере жены Палеолога Олимпиады: «Чистая правильная красота была только светлой тенью светлого, внутреннего существа ее» [Киреевский, 1911с, с. 178], — отмечает Киреевский. И эта гармония внутреннего существа и внешнего окружения продолжается в ее с Палеологом семейном союзе: «Неистощимая глубина их душевного согласия могла только сравниться с глубокой синевой теплого неба над их тихим островом» [Киреевский, 1911с, с. 179].

Женский образ, образец рассогласованности и диссонанса между внутренним и внешним также представлен в повести. Он воплощен в двух знатных европейках, баронессе Вес и графине Эльм, которые сопровождали Александра Палеолога на пути из Константинополя в Европу. Сначала беседы попут-

Д. Тиссо. Английский военный корабль «Калькутта». Офицер и дамы на борту. 1877

чиков сводились к тому, что дамы рассказывали Александру «обо всем, что, по их мнению, должно было казаться ему новым и любопытным, или могло дать ему высокое мнение о них» [Киреевский, 1911с, с. 199], включая как возвышенные чудеса Европы, вроде образованности, прав и свобод, законов чести и преимуществ женского пола, так и более приземленные блага, например кофе с сахаром и молоком. Если проводить аналогию с приключениями Одиссея, то можно заключить, что Александру повстречались европейские сирены, которые только подогревали настроения и интерес, зревшие в душе юноши после прочтения островной библиотеки.

Но, в отличие от гомеровских сирен, европейки вскоре перестали говорить свои сладкоголосые речи, превозносящие Европу. Подчинение жизни расчету уже не было особенностью одного Наполеона, оно распространилось на всю европейскую общественность, в частности существенно отразилось на положении женщин. На это сетует графиня Эльм в частной (и честной) беседе с Александром: «Вместо всего счастья, которым наслаждаться могут, хоть и не умеют женщины низшего круга, мы должны ограничиться одной выгодой: ка-

заться счастливыми, внушать зависть к тем благам, которыми мы не наслаждаемся!» [Киреевский, 1911с, с. 200]. Подчиненное положение женщин еще более обнаруживается в браке: «Нам говорят: богатство! знатность! место в обществе! прежде чем мы понимаем — какой смысл под этими звуками. Нас ловят на блеск, как эту ночную бабочку можно поймать на свечку» [Киреевский, 1911с, с. 200–201]. Идеалы свободы и равенства оказались пустым звуком. Замечу, что «женский вопрос» Киреевский затрагивает здесь отнюдь не случайно, в то время были популярны идеи западных социалистов, включая Шарля Фурье, автора термина «феминизм». Кроме того, стоит упомянуть о наличии в библиографии Киреевского текста письма к Анне Петровне Зонтаг «О русских писательницах» [Киреевский, 1911b, с. 65–75], где он говорит, в частности, о трудностях, связанных с признанием женского таланта в патриархальном обществе.

Подводя итог, отмечу, что в этой, к сожалению, неоконченной повести Киреевский сам еще находится в двумирье и с абсолютной ясностью это осознает. Выражаясь словами старца с острова, ему теперь нужно искать потерянный островок в своей душе. Для этого нужна очень серьезная духовная работа во имя «великого дела». Но почему повесть оказалась не дописана? Возможно, Киреевский понял, что ему просто не хватает сил и интеллектуальных ресурсов, чтобы осуществить свой масштабный замысел. Нужна более тщательная подготовка, которую он проводит в 1840–1850-е годы, прежде чем развернуть в полной мере учение о цельности. К тому же, напомним, в том же 1838 году, как раз когда Киреевский пишет «Остров», А. С. Хомяков публикует статью «Церковь одна», где тоже ищет идеал социальной жизни, но находит его в Церкви. Для него это образец религиозной общности, но, в отличие от схемы Киреевского, здесь отсутствуют понятия индивидуализма и личной ответственности в пользу соборности. Это различие было жизненно необходимо обосновать.

Список источников

Антонов К. М. Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. 235 с.

Благова Т. И. Родоначальники славянофильства: А. Хомяков и И. Киреевский. М.: Высшая школа, 1995. 350 с.

Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. Пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.

Герцен А. И. Былое и думы. М.: Правда, 1979. 574 с.

Грекова Е. В. Мотив Эдема в повести И. Киреевского «Остров» // Братья Иван и Петр Киреевские в русской культуре XIX — начала XX в.: тезисы докладов научной конференции. М.: МПГУ, 1996.

Долгушин Д. В., свящ. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.

Киреевский И. В. В ответ А. С. Хомякову // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в двух томах / под ред. и с предисл. М. Гершензона. М.: Путь, 1911а. Т. 1. С. 109–120.

Киреевский И. В. О русских писательницах // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в двух томах / под ред. и с предисл. М. Гершензона. М.: Путь, 1911b. Т. 2. С. 65–75.

Киреевский И. В. Остров // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в двух томах / под ред. и с предисл. М. Гершензона. М.: Путь, 1911с. Т. 2. С. 172–209.

Кошелев А. И. История обращения Ивана Васильевича // Киреевский И. В. Полное собрание сочинений в двух томах / под ред. и с предисл. М. Гершензона. М.: Путь, 1911. Т. 1. С. 285–286.

Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М.: Художественная литература, 1976. 288 с.

Можарова М. А. «Прогулка народов с Запада на Восток и обратно»: Л. Н. Толстой и писатели XIX века о наполеоновском нашествии в Россию // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2015. № 2. С. 49–57.

Рудницкая Е. Л. В поисках пути (начало философского осмысления судеб России) // В раздумьях о России (XIX век). М.: Археографический центр, 1996. С. 42–73.

Скороходова С. И. «Очарование Китежем» или о некоторых философско-исторических идеях И. В. Киреевского и Е. Н. Трубецкого // Философия и культура. 2018. № 4. С. 53–61.

Скороходова С. И. Проект идеального государства И. В. Киреевского в повести «Остров» // Наука и школа. 2011. № 5. С. 125–128.

Судаков А. К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И. В. Киреевского. М.: ИФРАН, 2011. 191 с.

Gleason A. European and Muscovite: Ivan Kireevsky and the Origins of Slavophilism. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1972. 375 p.

Архивы

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

References

Antonov, K. M. (2006) *Filosofiya I. V. Kireevskogo. Antropologicheskij aspekt* [*Philosophy of I. V. Kireevsky. The Anthropological Aspect*]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities.

Blagova, T. I. (1995) *Rodonachal'niki slavyanofil'stva: A. Homyakov i I. Kireevskij* [*The Founders of Slavophilism: A. Khomyakov and I. Kireevsky*]. Moscow: Vysshaya shkola.

Walicki, A. (2019) *V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [*In the Circle of Conservative Utopia. The Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism*]. Moscow: New Literature Review.

Herzen, A. I. (1979) *Byloe i dumy* [*My Past and Thoughts*]. Moscow: Pravda.

Grekoa, E. V. (1996) "Motiv Edema v povesti I. Kireevskogo 'Ostrov'" ["The Motif of Eden in I. Kireevsky's Story 'The Island'"], in *Brat'ya Ivan i Petr Kireevskie v russkoj kul'ture XIX — nachala XX v.: tezisy dokladov nauchnoj konferencii* [*Brothers Ivan and Petr Kireevsky in Russian Culture of the 19th — Early 20th Centuries: Abstracts of Reports from a Scientific Conference*]. Moscow: MPGU.

Dolgushin, D. V., priest. (2009) *V. A. Zhukovskij i I. V. Kireevskij: Iz istorii religioznyh iskanij russkogo romantizma* [*V. A. Zhukovsky and I. V. Kireevsky: From the History of Religious Quests of Russian Romanticism*]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi.

Kireevsky, I. V. (1911a) "V otvet A. S. Homyakovu" ["In Response to A. S. Khomyakov"], in *Polnoe sobranie sochinenij I. V. Kireevskogo v dvuh tomah. Tom 1* [*Complete Works of I. V. Kireevsky in two vols. Vol. 1*]. Ed. and preface by M. Gershenzon. Moscow: Put', pp. 109–120.

Kireevsky, I. V. (1911b) "O russkih pisatel'nicah" ["About Russian Female Writers"], in *Polnoe sobranie sochinenij I. V. Kireevskogo v dvuh tomah. Tom 2* [*Complete Works of I. V. Kireevsky in two vols. Vol. 2*]. Ed. and preface by M. Gershenzon. Moscow: Put', pp. 65–75.

Kireevsky, I. V. (1911c) "Ostrov" ["The Island"], in *Polnoe sobranie sochinenij I. V. Kireevskogo v dvuh tomah. Tom 2* [*Complete Works of I. V. Kireevsky in two vols. Vol. 2*]. Ed. and preface by M. Gershenzon. Moscow: Put', pp. 172–209.

Koshelev, A. I. (1911) "Istoriya obrashcheniya Ivana Vasil'evicha" ["The Story of Ivan Vasilyevich's Conversion"], in *Polnoe sobranie sochinenij I. V. Kireevskogo v dvuh tomah. Tom 1* [*Complete Works of I. V. Kireevsky in two vols. Vol. 1*]. Ed. and preface by M. Gershenzon. Moscow: Put', pp. 185–286.

Kuleshov, V. I. (1976) *Slavyanofily i russkaya literatura* [*Slavophiles and Russian Literature*]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura.

Mozharova, M. A. "Progulka narodov s Zapada na Vostok i obratno': L. N. Tolstoj i pisateli XIX veka o napoleonovskom nashestvii v Rossiju" ["The Walk of Nations

from West to East and Back': L. N. Tolstoy and 19th Century Writers on the Napoleonic Invasion of Russia"], *Vestnik Literaturnogo Instituta imeni A. M. Gor'kogo* [Bulletin of the Literary Institute named after A. M. Gorky], 2, pp. 49–57.

Rudnickaya, E. L. (1996) "V poiskah puti (nachalo filosofskogo osmysleniya sudeb Rossii)" ["In Search of the Path (the Beginning of the Philosophical Understanding of the Fate of Russia)"], in *V razdum'yah o Rossii (XIX vek)* [In Reflections on Russia (19th Century)]. Moscow: Arheograficheskij centr, pp. 42–73.

Skorohodova, S. I. (2018) "Ocharovanie Kitezhem' ili o nekotoryh filosofsko-istoricheskikh ideyakh I. V. Kireevskogo i E. N. Trubeckogo" ["The Charm of Kitezh' or Some Philosophical and Historical Ideas of I. V. Kireevsky and E. N. Trubetskoy"], *Filosofiya i Kul'tura* [Philosophy and Culture], 4, pp. 53–61.

Skorohodova, S. I. (2011) "Proekt ideal'nogo gosudarstva I. V. Kireevskogo v povesti 'Ostrov'" ["The Project of the Ideal State of I. V. Kireevsky in the Story 'Island'"], *Nauka i Shkola* [Science and School], 5, pp. 125–128.

Sudakov, A. K. (2011) *Cel'nost' bytiya. Religiozno-filosofskaya mysl' I. V. Kireevskogo* [The Integrity of Being. Religious and Philosophical Thought of I. V. Kireevsky]. Moscow: IFRAN.

Gleason, A. (2019) *European and Muscovite: Ivan Kireevsky and the origins of Slavophilism*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Информация об авторе: Алина Андреевна Жукова — аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Alina A. Zhukova — Postgraduate Student, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.12.2024.

The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.12.2024.